

подполковник внутренней службы в отставке
КАДНАЙ Яков Тарасович
ветеран пожарной охраны,
участник Великой Отечественной войны
15.03.1920 г.р.

Всем смертям назло

Свою похоронку Яков Кадна-
най порвал на фронте соб-
ственными руками

Кто на Невском пятачке не бывал, тот горя не видал - эта поговорка родилась на Ленинградском фронте еще в 41-м.

Плацдарм крохотных размеров - два километра по фронту и 800 метров глубины - находился на левом берегу Невы в районе деревни Дубровка. За сутки на Невский пятачок обрушились десятки тысяч бомб и снарядов. По самым скромным подсчетам, на этом участке земли погибли 50 тысяч советских солдат. Яков Тарасович Каднай в невосковой мясорубке выжил.

15 марта 2010 года ему исполнилось 90 лет.

Хотел крутить «баранку», а не бычьи хвосты

- Сам я из села Утянка Хабаровского района, - рассказывает Яков Тарасович. - Мои родители приехали в Кулундинскую степь с Полтавщины по столыпинской реформе. Село было большое - до тысячи дворов. Когда началась коллективизация, моя мама наотрез отказалась вступать в колхоз, а меня по этой причине не приняли в пятый класс школы. Туда брали только детей колхозников. Мама была религиозной женщиной, а тут эта дикость началась - колокола снимали, церкви ломали. Отец-то был не против в колхоз вступить: он во время службы в царской армии на пьяных полковых попов насмотрелся - почтения к рясам у него не было, к тому же государство сильно давило единоличников налогами. Но мама встала на дыбы: «Сама к безбожникам не пойду - и детей не отдам!» Отец хотел один вступить, но было условие: только всей семьей! В конце концов его взяли под арест за неуплату налога пшеницей - требовали сдать два центнера. А мы ее и не сеяли! В тот год мы засеяли гектар просом, и осенью вымахал отличный урожай. Активисты все собрали, нам ни килограмма не дали. А через полгода Западно-Сибирский краевой суд признал, что отца засудили неправильно. В справке написали: «В связи с тем, что гражданин Каднай происходит из крестьян-середняков и социальной опасности не представляет, решение Хабаровского суда отменить, из-под стражи освободить». Но в сельсовете отца встретили неласково, напрямую сказали: «Завтра в колхоз не вступишь, опять посадим».

И мать сдалась. Мне уже пятнадцатый год шел, в колхозе «Ударник полей» меня отрядили пахать на быках. Я два года отработал, а потом взвился: «Хочу учиться!». Собирался уйти на маслозавод, откуда обещали послать в молочный техникум, но колхоз проголосовал «против». Тогда я заявил: «На быках больше работать не буду!» Решили поставить меня учетчиком в тракторную бригаду, а осенью я еще работал учетчиком-контролером по приемке зерна.

В 1937 году в Утянке образовалась сводная комсомольская организация пяти местных колхозов. Меня выбрали заместителем секретаря. Мы занимались проверкой сторожевой охра-

ИЗ БИОГРАФИИ Я.Т. КАДНАЯ

Родился в селе Утянка Хабаровского района Алтайского края. Осенью 1940 года был призван в РККА, в бои с гитлеровскими оккупантами вступил в первые дни войны. Был стрелком, командиром взвода, командиром пулеметной роты 1099-го стрелкового полка 326-й стрелковой дивизии на Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. В боях получил четыре ранения и контузию. В 1944 году демобилизован, с того же времени более 30 лет служил в системе МВД. Увольнялся с должности начальника отделения гражданской обороны и мобилизационной работы управления пожарной охраны УВД Алтайского крайисполкома. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освоение целинных земель» и многими иными. Вышел в отставку в сентябре 1977 года.

ны на скотных дворах, токах, читали в полевых бригадах газеты, организовывали досуг молодежи. Моей мечтой было выучиться на шофера, в колхозе уже появились машины. Но до армии не получилось. Я думал: не сегодня-завтра призвут, написал заявление на курсы трактористов - на службе, если не водителем, так танкистом стану. До призыва успел в колхозе поработать на тракторах ХТЗ, ЧТЗ, СТЗ. В армию призвали 9 октября 1940 года. Я попал в 462-й полк 168-й стрелковой дивизии, дислоцировавшийся на северном берегу Ладожского озера - в городе Сортавала.

Невский пятачок

В армии мечта сбылась - Яков выучился на шофера. Но рулил недолго. 18 августа 1941 года на пристани Ладожского озера финны сожгли его ЗИС-5 минометным огнем. Сам боец получил ранение в бедро. К счастью, не тяжелое. С Невским пятачком, созданным советскими войсками на левом (вражеском) берегу Невы в сентябре 1941 года, Яков Каднай познакомился в октябре - во время Синявинской операции по прорыву блокады Ленинграда войсками Невской оперативной группы. Противник предвидел возможность наступления советских войск - потери были огромными. Наши дивизии сократились в результате боев до численности рот. Когда на-

ступление захлебнулось, 168-я стрелковая дивизия, в составе которой воевал Яков Каднай, насчитывала всего 175 человек. Но и немцам был нанесен большой урон. В наступательно-оборонительных действиях на Невском пятачке 168-я дивизия находилась до конца декабря 1941 года. Говорят, тогда стала крылатой фраза: «Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рожден». Почему Невский пятачок стал ареной столь кровопролитных боев? Из документов обеих сторон становится ясно: и для нас, и для немцев этот участок был наиболее благоприятен для наступления по географическим причинам. Выше и ниже по течению Невы были высокие берега и заболоченная местность, переправа в районе Дубровки позволяла гитлеровцам по хорошим дорогам оперативно соединиться с союзниками – финнами. Войска Ленинградского фронта, наоборот, используя Невский пятачок для приема войск с правого берега, могли быстро выдвинуться навстречу войскам Волховского фронта – прорвать кольцо блокады Ленинграда.

В апреле 1942 года немцам удалось выбить советские войска с Невского пятачка на правый берег. Но ненадолго – осенью его опять отвоевали. Яков Каднай был среди тех, кто форсировал Неву и восстанавливал плацдарм в его прежних размерах. На эту операцию его сняли с курсов подготовки лейтенантов в Ленинграде. Вновь были большие потери. Назад в училище из роты Кадная численностью 75 человек для продолжения учебы вернулись только семнадцать.

Ленинград

На офицерские курсы в Ленинграде Кадная приняли сначала условно. Камнем преткновения едва не стало образование – 4 класса. Но преподаватели учли его боевой опыт и сибирскую надежность. Большое значение имела военная подготовка бойца.

– На улицах Ленинграда было полно трупов, но заводы работали, – вспоминает ветеран блокадного города. – Мертвецов складывали зимой во дворах. Кого завернут в простыню, а кто и так лежит. Домком выделял людей, которые обходили квартиры, узнавали: кто где умер. Весной, чтобы не допустить эпидемии, умерших от голода стали вывозить. К Пискаревскому кладбищу специально подвели трамвайную линию.

Голодно было и военным. В окопах на Невском пятачке иногда по нескольку дней не было хлеба. Радость солдата вызывала горсть жмыха из хлопка. В военном училище положение было лучше, но люди все равно были истощенными. Нормы питания курсантам усилили накануне прорыва блокады Ленинграда. Это произошло в основном за счет увеличения овощной пайки. Ленинградцы весь огородный сезон выращивали овощи где только возможно, в том числе в парках города.

– Первые месяцы учебы в пехотном

училище дались мне тяжело, – рассказывает Яков Каднай. – Я на лекциях не успевал все полностью конспектировать. Поэтому после отбоя уединялся и по памяти восстанавливал в тетради услышанное. Ребята смеялись: «Зачем мучаешься, все равно убьют». А я говорю: «Убьют или не убьют, а раз сюда попал, буду все записывать. Приду в подразделение, надо знать все, что положено». Эти записи мне как командиру здорово пригодились.

Поверил в свою звезду

12 января 1943 года командир стрелкового взвода 119-го стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии младший лейтенант Каднай в третий раз переправился на левый берег Невы. В этот раз по льду. Но не в районе Дубровки, а выше по течению – недалеко от Шлиссельбургской крепости. В результате операции «Искра» войска Ленинградского фронта прорвали блокаду, очистив от неприятеля южное побережье Ладожского озера и соединившись на востоке с Волховским фронтом. 13-я дивизия, наоборот, отжимала немцев вниз по течению реки, отрезая от шлиссельбургской группировки. В это время соседняя с ней дивизия ударила в тыл противнику, засевшему в Шлиссельбурге (ныне Петрокрепость).

Подразделение Кадная находилось в бою целый месяц. За шесть дней до наступления он принял пополнение – 17-летних необстрелянных мальчишек из татарских деревень, никто из них не говорил по-русски. Почти все они погибли. Через год под Псковом после ожесточенного сражения за железнодорожную станцию и Якова Кадная уже не чаяли увидеть живым. После боя штабной офицер показал его похоронку: «Яков Каднай погиб смертью храбрых и похоронен на станции Стремутка».

– Я прочитал эту бумажку, порвал и бросил, – вспоминает Яков Тарасович. – А про себя подумал: «Наверное, я войну сломаю».

Орден от генерала

Война закончилась для него 30 июля 1944 года в Эстонии. Яков Каднай командовал пулеметной ротой 1119-го стрелкового полка 326-й стрелковой Рославльской дивизии.

– Наш полк продвигался без потерь, кругом все было тихо, – рассказывает Яков Тарасович. – Запомнилась одна встреча. Мы только-только перешли старую советско-эстонскую границу. На опушке леса у хутора нас встретила супружеская пара лет пятидесяти, с ними две дочери. На подносе стаканы, в корзинах молоко, ягоды – все для нас. Хозяин первым попробовал молоко, дал знать: не отравленное. Спрашивает: «Ваши сейчас в погонах?» Я удивился: «Почему

Из исторического формуляра Главного управления МЧС России по Алтайскому краю

Встреча с ветеранами в канун празднования Дня Победы, май 2015 года

ваши, а не наши?» Он говорит: «Мы вас своими не считаем». Война эстонцев особо не тронула. Как занимались они своим хозяйством, так и занимались. Нам был приказ: без боевой необходимости в населенные пункты не заходить, ни одного куста картофеля, ни одного яблока, помидора у местных жителей не отнимать. Кто тронет – высшая мера. Два снаряда на мирную дорогу прилетели словно из ниоткуда. Один разорвался на обочине, никого не задел, а другой накрыл сразу несколько человек. Якова Кадная осколок тяжело ранил в ногу. В медсанбате раненых неожиданно навестил командир дивизии генерал-майор Егоров.

– Он взглянул на мою медаль «За оборону Ленинграда», спросил: «Это все?» – вспоминает Яков Тарасович. – Я говорю: «Все, товарищ генерал». – «С какого времени на фронте? – «С первого дня войны». – «Сколько раз ранены?» – «Если не считать контузии, то четвертый». Он оборачивается к ординарцу: «Дайте орден Красной Звезды и выпишите временное удостоверение». Так я получил свой единственный боевой орден.

После войны

10 ноября 1944 года Яков Каднай переступил порог родительского дома.

– Подошел к хате уже в темноте, – рассказывает Яков Тарасович. – Смотрю огонь, отец ходит. Стучусь в окно. Он в сени вышел: «Кто там?» Я говорю: «Я, папа!» (тут Яков Тарасович

не может сдержать слез). Отец кричит матери: «Васька (Василиса), Яша пришел!» Мама бросилась ко мне с печки, упала. Я ее поднимаю, обнимаю. Больше четырех лет мы не виделись.

Мне с братом повезло: оба остались живы, – продолжает Яков Каднай. – А в некоторых семьях сразу по четыре мужика убило. Назад в село не вернулось больше 200 человек.

В мирной жизни Яков Тарасович свыше тридцати лет отработал в краевом управлении внутренних дел. Из 35-ти лет службы двадцать был кадровиком. Опыт кадровика позволил ему в совете ветеранов Червоного микрорайона Барнаула, где был заместителем председателя, помочь многим фронтовикам – особенно старшего поколения, неграмотным – восстановить историю прохождения службы. В итоге они получали те социальные льготы, которые заслуживали. На работе его всегда ценили. Чего стоит только знак «Лучший работник пожарной охраны МВД СССР», который Яков Тарасович получил одним из первых.

– Война редко, но и сейчас снится, – говорит ветеран. – Во сне вижу, как мы, сослуживцы, собираемся вместе. Проснусь и думаю: а этих людей давно уже нет...

Записал В. Дворянкин